

олег (gutmen)

ИДЕИ ДЛЯ НОБЕЛЕВСКОГО КОМИТЕТА

(на пути к их монетизации)

12+

ОЛЕГ (GUTMEN)

Идеи для Нобелевского комитета

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61085338
SelfPub; 2021*

Аннотация

Страницы созданных мной текстов (в частях – отдельных новеллах) для моей личной задачи монетизировать через них свои назревающие размышления без ущерба для их читателей. Возможно, осмелюсь претендовать и на "медные трубы, если уверюсь, что они случатся от Нобелевского комитета и не в адрес посмешища, но Автора. Для бесплатного ознакомления с отрывками из моих литературных стараний я предлагаю вам мои авторские аннотации в книге " Пробное соблазнение читателя ."

ОЛЕГ (GUTMEN)

Идеи для

Нобелевского комитета

В пяти частях.

Часть 1. *" О Джордано Бруно ."*

(редакция от 4.2.2021.)

Это были как бы уже и исторические, да ещё не изумительные, времена, когда жизни изумительных личностей в них подвергались ими не мультяшному измерению в "попугаях" и в "удавах", а "удавами" в назидание "попугаям" выставлялись на кострах инквизиции. Право изумительных людей являться на площадях мерой всех вещей ещё не провозглашено – площади городов вместо интеллигенции кишели осенением инквизиторов быть мерой людишек. На её же кострах изумительность этих людей изумляла толпы простоватых даже и для Средневековья зевак на площадях уже великих городов с великой архитектурой. В этой архитектуре проявился и уже сумел остаться в живых гений величия личности, первоначально через профессию, через ремёсла молчаливо отделившегося от гения человеческой биологической жестокости. Но с этих великих городов начиналось и величие публичности человека. Вера в его призывала к жизни зачатки демократичности. От надежды на неё в этих

великих городах величие публичности человека осмеливалось поодиночке вступать в смертоносную схватку со своим визави – подвальной инквизиционной мерзостью в тех же людях. Наблюдая, как инквизиция "переходит на личности", население отходило на территории и тематики частных и ремесленных философствований. Великих городов было всё ещё больше, чем великой публичности человека. Гений Джордано Бруно, гениально заговоривший вслух о всеобщем, пошёл рискованно дальше архитектурного способа созидания, проявления и выживания собственного индивидуального. То были времена на планете, когда честь, вкус и значимость жизни выделенных людей, как Джордано Бруно, ещё не разменивалась на сутяжную борьбу за авторские права эволюционирующего поголовья мастаков на медальки всех народов и всех техник специализированных тщеславий. Какими рождаются такие люди? У каких родителей? Что, индивидуально присущее им самим, развивает или меняет их в такие индивидуальности и выталкивает из видового, из массового Homo sapiens? Или, как, всматриваясь во что-то и рядом с чем – то, вырастают в таких людей? Каково им живётся среди нас? Кто мы, простые люди, для них? Какими такой космос в них воспринимает нас в наших социальных скопищах, в земных групповухах? Как посреди базарного улюлюканья, гогота и гомона человек вообще догадывается посмотреть в сторону Вселенной и высматривать в знании именно о ней нечто для земного величия человека?

Ну, и во имя чего ими, такими людьми, были вообще выбраны под себя костры Инквизиции имени простолюдинов? Отчего, наблюдая происходящее вокруг, презирая узколобость земной келейной групповщины и мракобесия, возмнившей и воцарившей себя общественным институтом, они не лезут в отчаянии на стенку от массового скудомыслия, а шагают в сторону от человечества через костры? Как они сумели первыми догадаться, прочувствовать, что люди научатся держаться друг друга, закладывая и распространяя собой, своими жизнями не круги Ада на небесах, а светлые пятна в Истории Земли, если их для начала известить о бездне веков, пространств, миров вокруг них? Оповестить человека, что и он тоже Бездна. Развенчайте пугливость в человеке перед понятием Бездна – и он её в себе постепенно приучится оформлять поэзией, почтительно применит её к себе и к рядом живущему. Мы, люди, пока ещё стоически тренируемся терпимости на неодушевлённой бескрайней Бездне вселенской, нежели на доступной близлежащей к нам одушевлённой, даже и родственной нам. На одушевлённой Бездне пока скатываемся к кострам и распятиям, на строительство специфических сооружений для неё. Как разобшение миллионов природных человеческих индивидов раздроблением труда порождает такое цельное социально объединяющее значение таких единичных людей?

Угадывается же, заводной был парень, Джордано : что – то пытался растолковать нам о нашем же человеческом в нас. И

не в инквизиторски – уголовных интерпретациях человека, а в знаниях – мыслимых посланиях от Мироздания о масштабах Мироздания для нас и в нас. И требовалось – то всего одно: однажды на площади сделать выбор в пользу ментальности в себе, третьей между ментальностью инквизитора и ментальностью простофили, заточенных под гражданскую войну. Наверное, верил и предвидел: люди способны на такой же выбор между ними и будут им счастливы. Так и случилось: потом были Ф. Ницше, К. Маркс, З. Фрейд.

Шурик наш, в конце концов, на Кавказ приехал !

Джордано умён, потому что не стремился к гипнотичности для толпы, но искал поучительности и личной убедительности для поколений в их движении к этому выбору. Следует уметь ждать: не выживавший биологически в Природе становится уже раболепнее в организации социумов с подачи тех, кто природно кровожаднее его, невыживавшего;

Как уметь так беззлобно и снисходительно поражаться земному мракобесию, что всей собственной натурой не быть им поражённым, а для его замены просвещённостью предаться мыслям о Вселенной? И не в форме личностной шизофрении, а здравомыслящим сталкером познаний о ней. А ведь, наверняка, феодально – общественная целеустремлённость масс, населяющих средневековье, своим содержанием была способна многих специфических личностей эпохи столкнуть на отход от неё в личную витиеватость шизоидности. Как естественнонаучное воззрение в одном чело-

веке способно не прогибаться под массивностью мифологизированной массовости? Как соотношение один неземной храбрости человек на целую слоняющуюся толпу на площади принять за скорость эволюции социума? Неужели бывает так, что самое высокое в человеке – оставаться белой костью посреди жизни, заполонённой правилами от чёрных душ для тёмных умов? Тёмное в нас от чёрного отличается первичностью его покорности засилью второго. Наверное, это самое высокое и драматичное переживание в жизни человека, когда Вселенная уже не ужасает, а восхищает её беспредельностью, а жизнь ещё является человеку или жалким, или ужасающим зрелищем потуг беспредела, когда беспредельность мира – базис, а беспредел человеческого заведения – ещё состряпанная надстройка для жалких презренных потуг покуражиться, попользоваться базисом. Но, допускаю, костёр на площади мог быть задуман зловещей групповой психотехнологией средневековья ставить на место прозревающих современников направленным взрывом скудоумия тёмной и невежественной массы, о развитости которой те радели. А заодно и "подлечить" кретинизм массы её же ужасом перед пробуждающимся в её недрах межчеловеческого самосознания у единичных индивидуальностей не садистских наклонностей и взглядов на человечество? Может, это и есть человеческий Дух – не заблуждаться в надеждах по поводу человеческой массы, но терпеливо мыслить посреди неё не средним человеком, с верой, как у первой сваи, вбитой в принев-

ское болото, что уже именно она и есть проматерь архитектуры города, начавшегося с неё, от неё, на её месте во имя немассового человеческого гуманитарного гения?

Джордано "ушли" от нас исторически прозорливой умницей. С уровня эшафота инквизиции по историчности выражения лиц современных ему римлян определился: с такими лицами думать о создании государства, отделённого от скудоумия, ещё рано, а о совершенствовании инквизиции уже тошно. И не следует призывать Рим к топору – только к познанию не остановимому, не нуждающемуся в санкционировании. По одному только выражению лиц одних только римлян подсказал всему Средневековью: цели топоров не оправдывают их средств и "щепок" – последствий. И какой топорной сущности обновления ожидают все грядущие Римы: если такова римская инквизиция, каковы же породившие её римские зрители её безвозмездных зрелищ, каковыми исторически обрушиваются топорные обновления от воспалённых умов мазохистов на них самих? Одна лишь способность к весёлости лиц их перед эшафотом с другим человеком саму Историю холодит веющим от неё зловещим междусобойчиком, зловещей ударностью междусобойности. Рабам само их рабство бывает не в тягость в сравнении с их ужасом перед неопределённостью в сменности рабодержателей и места их собственной прикованности. Спартак этого ещё не предвидел и исторически недоработал. Джордано, очевидно, предвидел, и какой саблезубости какие "обновившиеся" ре-

бьята в тех же сохранных обновлённых Инквизициях обыкновенно потирают руки после того, как Римы (первый, второй, третий, etsetera . . .) побывают под обновлением топором. Восстания рабов бессмысленны именно этим порождением в уцелевших рабах ликующего аффекта приоритета на кастообразование, на ещё пуще инквизициостроительство одержавшей верх стороной рабовладельцев. И на чёрный юмор прогресса гуманности – на изобретение гильотины. Новый альфа- самец от рабов неудобен им тревожной неизвестностью, кто при нём станет альфа – инквизитором. Рабов восставших возглавляют конкуренты тиранов. Рабы, освобождённые снизу Спартаком, водружают, так всем привычнее, сверху над собой Торквемад и хотят их снизу, пока Торквемады сверху могут. Лично выстраданная гуманность Джордано Бруно – не обречь зевак на ужас их обновлений новейшими святошами, "обновлявших" самого Джордано шесть мучительнейших лет. В любые времена право человека, уцелевшим возле кострищ, дожидаться изобретения гильотины, гуманизирующего его право дожидаться. А обновление человека – удел и стезя священнодействия просвещения от познания. Но не топора и не попечения Инквизиции. Обновление человека – священнодействие над уверенностью человека в священности Бездны в нём. А взрыв человека – только против попытки опорочить эту священность. Дровосеки обновляют лишь поленицы дров для костров – не для своих очагов. Не ведая и для кого. И Джордано не

сошёл с ума от надежды на освободительность от социальных систем. Раб, декларирующий освободительность социальных систем, – выдающийся раб. Но не более. Выдающейся освободительностью обладает лишь личное мужество индивидуальности в массе. Джордано Бруно – храбрейший индивид, т.е. уже на раб.

Порой у меня влажнеют глаза : если бы такие люди не покидали нас так , как уходили из человечества они , если бы в Средневековье уцелело хотя бы всего 5 – 6 Джордано Бруно, возможно, уже и я бы уже при нынешних людях не был бы таким ничтожным и малодушным, был бы уже где – то на переходе от первого ко второму . И само человечество на галсах своего развития сейчас было бы на 5-6 веков впереди и посмелее в характерологии индивидуальностей в нём. Может , в большинстве своём мы в сопровождении таких жизней таких современников, в публицистичном их присутствии около наших частных жизней уже в наши времена были бы содержательными частными микро – Джордано Бруно в наших воззрениях на смысл наших индивидуальных историй на Земле ? Улюлюканье в толпе у костра инквизиции было , возможно , великим и ужасающим тестом на индивидуальную потомственную ничтожность сотен зевак. Но один инквизитор прицельно уносил с собой десятки поучительных безвестных жизней начинающих средневековых Джордано Бруно : именно под них инквизиторы специфически ремесленно и бдяще сбиваются совсем не в кто во что горазд .

А Джордано Бруно – Космос , которому не с кем даже сплотиться знанием , не то что побрататься ушlostями в прагматичную кодлу . Сама Вселенная старательно и предусмотрительно расширяется для них и под них , а они всё равно ею стеснены . Они , видимо , собою готовы и будут саму Вселенную , доколе в ней присутствует человек, убеждать, что человек способен и уже готов расширяться из инквизиторского в себе ; Существуют лица , реагирующие на Культуру . И есть личности , формирующие Культуру единственным – даже и последним – днём своей жизни. И такими наглядными образами её расширения, в которые и будет расширяться человек . Таков Джордано Бруно . Признаю , таков и Галилео Галилей . И Инквизитор . И в их Культуру сможет и неизбежно будет , на свой выбор , расширять заданную зевоту зевака после зрелища на Римской площади . Не заблудимся же в направлении наших персональных расширений и необратимости гуманистической ответственности за них, хотя бы перед чувствами к себе в собственных наших ночных сновидениях . И будь ты римлянином средневековья , пожелай себе оказаться хоть и в толпе зевак , но тогда , когда один другой человек поступком на площади формирует Культуру , в которой тебе уже дано существовать иным обновлённым зеваккой. Эволюция народов – эволюция толпы зевак от увиденного мига Культуры у одного.

Какой сумасбродный , сумасшедший парадокс , какая беспощадная Диалектика : космополит от бога и земное баналь-

ное кострище под ним , Космос от бога – и жесточайше ревнивая Инквизиция в его окрестностях . Каков Космос , таковы и диалектические окрестности его . Возможно , но страшно и не уютно даже и думать о том, что и костры со стороны Инквизиции разводили её собственные инквизиторские "джордано бруно " . Иначе как можно объяснить , что Джордано Бруно именно перед ними предпочёл шесть лет в их римских казематах в одиночку стоически озвучивать, отстаивать свои воззрения , а не затесаться с ними посреди гомона базаров безучастного к ним простонародья , не распикивать свои сокровенные идеи по умам единичных и группок простолюдинов ? Отчего не согласился длить скоморошью , юродивую форму оглашения истин и убеждений ? Неужели дальновиднее быть запечатлённым в аналах истории Инквизиции , нежели в истории почти скоморошечьего правдоискательства , как Сократ ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.